

DOI: 10.31857/S086919080009061-4

ПЕРЕБАЛАНСИРОВКА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В XXI в.

© 2020

А.И. ЯКОВЛЕВ^a^a – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
ORCID ID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Резюме: Система международных отношений на Ближнем Востоке находится в состоянии транзита, переходности от норм и принципов, существовавших в XX в., к иным. Социально-экономическое развитие стран региона в условиях глобализации, с одной стороны, и военно-политические потрясения, в том числе с участием внешних акторов, – с другой, привели к изменению соотношения сил в регионе. Прежний баланс сил нарушен, контуры нового баланса сил пока неопределенны.

В регионе происходит поддержание и воспроизводство политических и конфессиональных конфликтов, что объясняется не только их длительностью, но и недостаточной зрелостью национальных государств. Завершение догоняющей модернизации способствовало качественному повышению уровней экономического и социального развития стран региона; там продолжается формирование современной государственности, сочетающей элементы западной модели с нормами, институтами и ценностями традиционного общества.

В то же время процессы интеграции в регионе вновь остановлены. Даже наиболее развитое интеграционное объединение – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – в последние годы обнаружило хрупкость внутренних связей. Новую роль в регионе стремятся обрести неарабские государства – Турция и Иран, готовые принять на себя роли глобальных держав. Но ни США, ни Россия не отказываются от своего участия в создании устойчивого баланса сил на Ближнем Востоке.

Однако можно констатировать сохранение в перспективе значения национальных государств как главных акторов региональной системы международных отношений и роли самого Ближнего Востока как одного из важных и конфликтогенных регионов глобальной системы мирохозяйственных и мирополитических связей. Существующие в регионе старые и возникающие новые конфликты затрудняют возможности для создания даже основ региональной системы безопасности. Важным средством для этого остается интеграция стран региона для совместного противостояния внешним угрозам и давлению, для разрешения существующих и будущих конфликтов и противоречий. Происходящие на Ближнем Востоке изменения имеют качественный характер, создавая долгосрочные тенденции нового развития – изменение привычного регионального баланса сил с пока неопределенным результатом.

Ключевые слова: Ближний Восток, национальное государство, региональная система международных отношений, конфликты, интеграция.

Для цитирования: Яковлев А.И. Перебалансировка системы международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 119–130. DOI: 10.31857/S086919080009061-4

REBALANCING THE SYSTEM OF INTERNATIONAL
RELATION IN THE MIDDLE EAST IN THE 21ST CENTURY

© 2020

Alexander I. YAKOVLEV^a^a – Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Abstract: The system of international relations in the Middle East is in a state of transit, transition from the norms and principles that existed in the 20th century to other ones. The previous balance of power is broken, the contours of the new balance of power are still uncertain.

Political and confessional conflicts are being maintained and reproduced in the region, owing not only to their duration but also to the lack of maturity of nation-states. The completion of catch-up modernization has contributed to a qualitative improvement in the levels of economic and social development of the countries of the region; the formation of a modern statehood, combining elements of the Western model with the norms, institutions and values of the traditional society, continues there.

At the same time, integration processes in the region have been halted again. Even the most developed integration association, the Gulf Cooperation Council, has discovered the fragility of domestic ties in recent years. Non-Arab states, Turkey and Iran, are seeking a new role in the region, ready to assume the role of global powers. But neither the United States nor Russia refuses to participate in creating a sustainable balance of power in the Middle East.

However, the integration of the countries of the region to jointly confront external threats and pressures in order to resolve existing and future conflicts and contradictions remains an important means of doing so. The changes taking place in the Middle East are qualitative, creating long-term trends of new development – a change in the usual regional balance of power with an uncertain result.

Keywords: Middle East, nation state, regional system of international relation, conflict, integration.

For citation: Alexander I. Yakovlev A.I. Rebalancing the System of International Relation in the Middle East in the 21st Century. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 119–130. DOI: 10.31857/S086919080009061-4

Второе десятилетие XXI в. началось на Ближнем Востоке с череды внутренних конфликтов в арабских странах, быстро превратившихся в конфликты региональные. Это повлекло за собой вмешательство внешних акторов, мировых и региональных держав. Поскольку регион постоянно находится в центре мировой политики, столь резкое и потенциально опасное нарастание напряженности отражается на всей мировой системе международных отношений.

Предметом рассмотрения в статье служит один аспект идущих на Ближнем Востоке политических процессов: возможности и перспективы согласования интересов и целей арабских и неарабских стран региона для формирования регионального баланса сил как основы для устойчивого развития региона.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: КАРДИНАЛЬНАЯ СМЕНА ВЕХ

Региональная система международных отношений (МО), естественно, была и остается частью мировой системы и испытывает ее влияние и воздействие в форме притязаний на доминирование или влияние глобальных и глобально-региональных держав, однако наибольшее воздействие на нее оказали события в арабских странах.

В последние годы регион испытал на себе мощные потрясения Арабской весны 2011 г., разного рода конфликты в Египте, Алжире, Ливии, Судане, Йемене и Сирии. Обострялись противоречия и внутри арабского мира – в отношении к давнему арабо-израильскому конфликту, к конфликтам в Сирии, Йемене и Ливии, Ливане, в Персидском заливе, а также отношения с внешними акторами. Международные проблемы усложнялись, а чаще обуславливались трудностями в социально-экономическом и политическом развитии арабских стран.

На первый взгляд подобные процессы представляли собой естественную эволюцию системы МО, ее адаптацию к меняющимся внешним условиям, изменение баланса сил стран региона. Однако, как и в случае с мировой системой МО, в регионе Ближнего Востока можно увидеть качественные изменения и порядка отношений, и самих акторов.

Порядок региональных международных отношений во второй половине XX в. определялся, исходя из изменения баланса сил, усиления или ослабления ведущих региональных держав: от абсолютного лидерства Египта к равновесию Египта, Сирии и Ирака, поколебленному возвышением Саудовской Аравии, а затем к общему ослаблению потенциалов арабских стран перед растущими потенциалами внешних игроков, включенных в пространство региональной системы международных отношений – Турции и Ирана. Особую роль играл и играет Израиль, социально-государственный организм, цивилизационно чуждый региону, но ситуационно способный вступать во взаимодействие с соседями.

В XXI в. переход всей мировой системы международных отношений в новое качество однополярного, затем многополярного мира меняет и региональный баланс сил. Арабские политики не могут не принимать в расчет то обстоятельство, что наряду с США–Западом в мировой системе формируется новый центр силы – неЗапад, еще не обретший своей идеологии, но имеющий лидеров (Китай и Россия) и уже способный противостоять Западу. В силу этого арабские страны оказываются в состоянии не только привычно играть на противоречиях двух мировых центров силы, но также увеличить свою самостоятельность в региональной системе, переживающей заметное реформатирование.

Кроме того, новые параметры развития, в свою очередь, усложняют условия изменений. Привычные материальные показатели потенциала страны (размеры территории, численность населения, объем ВВП, мощность вооруженных сил, политическое влияние) либо дополняются, либо компенсируются иными. Контуров нового баланса сил в регионе ныне определяются не только привычным противостоянием арабы – Израиль, ислам – Запад, но и подвижным, подчас ситуативным противостоянием арабских стран друг с другом и арабских стран с Ираном или Турцией по религиозным и национальным основаниям. Противостояние шиитов и суннитов, курдских анклавов и стран их проживания переросло рамки национальных границ и обрело значение общерегиональных проблем. Тем самым привычные политические, военные и экономические параметры стран региона, создающие основу сбалансированной региональной системы отношений, дополняются новыми параметрами. Процесс выработки регионального порядка усложняет борьба отдельных стран за региональное лидерство и за возможность сколачивать региональные коалиции, навязывать свои цели и интересы другим странам, как это происходит, например, в Йемене.

Самоподдержание и самовоспроизводство такого рода политико-конфессиональных конфликтов регионального масштаба объясняется как длительностью самих конфликтов, так и недостаточной зрелостью и силой национальных светских государств на БВ. Светская государственность, создававшаяся в 1960-е гг. по западной модели, оказалась внешней формой, в которой сохранялось еще не изжитое содержание арабской исторической памяти, политической культуры арабского общества и конфессионального соперничества нескольких течений ислама. Странный симбиоз в политической жизни арабских стран традиционных и западных начал и элементов явно нуждается в систематической структуризации. Потеря ориентиров (смена мировых лидеров, изменение конфигурации мирового пространства, новые критерии и цели развития) требует их нового осмысления.

В то же время столь же очевидна и относительная самостоятельность региональной системы, основанной на долговременном существовании набора внутренних дестабилизирующих и стабилизирующих материальных и нематериальных факторов.

К стабилизирующим факторам можно отнести наличие в ряде стран больших запасов энергетического и химического сырья, а также построение в ходе модернизации основ современного индустриального общества. К дестабилизирующим – дефицит водных ресурсов и пахотных земель, что упрочивает зависимость от импорта продовольствия, сла-

бо регулируемые демографические процессы, вызвавшие к жизни «молодежный бугор»¹, а также наличие в регионе открытых конфликтов (арабо-израильский конфликт, гражданская война в Сирии и Ливии, война в Йемене), деятельность конфликтогенных игроков – Израиля и Ирана, и появление в международной жизни региона негосударственных акторов – это «Хезболла» и ХАМАС и др.

На конец XX – начало XXI в. баланс сил в регионе складывался из соотношения потенциалов региональных держав Алжира, Ливии, Египта в Северной Африке и Ирака, Сирии, Саудовской Аравии в Юго-Западной Азии. Но названные страны различаются по важным базовым показателям (2015): численности населения: от 7 млн человек в Ливии до 40 млн в Алжире; объемам ВВП: от 272 млрд долл. в Египте до 748 млрд. в Саудовской Аравии, объемам ВВП на душу населения: от 3.3 тыс. долл. в Египте до 26.0 тыс. в Саудовской Аравии [ОПЕС, 2015, р. 8; *Мир в цифрах*, 2016, с. 128,190]. Важно то, что в основе потенциала любого государства находится материальное производство.

Именно материальное производство в первую очередь составляет основу национальной силы, в том числе вооруженной, а уже потом – размеры территории, численность населения, финансовые ресурсы, политические возможности и «мягкая сила». По показателям материального производства (промышленность и сельское хозяйство) арабские страны находятся примерно на одном уровне, поскольку их экономики имеют ярко выраженный сырьевой характер. Данное обстоятельство сокращает возможности арабских стран – по сравнению с более сильными и развитыми Турцией и Ираном – по конструированию региональной системы безопасности. И даже для Саудовской Аравии религиозный фактор как сильный инструмент внешней политики не может компенсировать большую зависимость от импорта продовольствия, техники и оборудования, а также рабочей силы.

Тем не менее если ранее основные цели внешней политики были сосредоточены на обеспечении национального развития и национальных интересов, то за последние десятилетия резко выросло значение укрепления национально-государственного статуса, не всегда имеющего буквальное материальное измерение, но усиливающего влияние государства в мире и регионе, а также укрепляющего позиции правящего режима. Таков, например, военный потенциал, обладающий в равной мере реальным и статусным измерением. По этому показателю арабские страны, соперничая друг с другом, качественно отстают от Израиля, имеющего атомное оружие, и от внешних акторов, региональных держав Турции и Ирана.

Внешние игроки региона, не входящие в Арабский мир, – Турция и Иран. Они превосходят арабские страны почти по всем названным показателям: соответственно населения (млн человек) – 74.9 и 77.4; ВВП (млрд долл.) 822.0 и 369.0; объем ВВП на душу населения (тыс. долл.) – 11.0 и 4.8 [*Мир в цифрах*, 2016, с. 138,206]. Наконец, вооруженные силы Турции занимают 10-е место в мире, а по рейтингу военной мощи Турция обгоняет Израиль, Иран и Саудовскую Аравию. Возможности армии и КСИР Ирана показали действия иранских военнослужащих в Сирии, а оборонительная ядерная программа Ирана не может не восприниматься всерьез [Цыганок, 2016, с. 64–65,81–85]. Стоит также назвать современный промышленный потенциал обеих стран (включающий и военную промышленность) и высокий уровень образования. Потенциал региональных дер-

¹ Среднемировой уровень водообеспечения составляет от 10 тыс. до 20 тыс. куб. м воды на человека в год, но в регионе Ближнего Востока уровень водообеспечения очень низкий 1–2 тыс. куб. м или чрезвычайно низкий – менее 1 тыс. (Израиль, Иордания, Ливан, Катар). В процессе опустынивания земель Сахара наступает на страны Юга со скоростью 1–2 км в год. В регионе уже нет резервов пахотных земель, пригодных для производства сельскохозяйственных пищевых культур. Высокий уровень прироста населения наряду с высоким уровнем плотности населения, явления безработицы и бедности усиливают неустойчивый характер социально-экономического развития (см.: [Акимов, Яковлев, 2012, гл.2]).

жав позволяет им проводить активную и целенаправленную политику в собственных интересах.

В то же время на региональный баланс существенное влияние оказывают и внешние игроки, не только примыкающие к Арабскому Востоку, но и далекие от него – США и Россия. События десятилетия 2011–2019 гг. показали разнонаправленность деятельности внешних сил: если США объективно действуют в нарушение равновесия региональных сил, то Россия, напротив, прилагает усилия для согласования интересов противостоящих сторон, т.е. для формирования баланса сил и интересов в регионе. Действия Турции и Ирана в конечном счете также должны бы привести к созданию устойчивого равновесия сил, но с одним обязательным условием – признанием за Турцией или за Ираном роли региональной державы.

Таким образом, по причинам внутренним и внешним, вслед за завершением неравномерного и асинхронного в разных странах процесса модернизации экономики и общества региональный баланс сил в XXI в. меняется.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: ТУРЦИЯ И ИРАН

К элементам структурирования регионального пространства можно отнести мотивацию его участников на основе общих целей, общих ценностей и идентичности, а также разрешение реальных и потенциальных конфликтов и институционализацию регионального взаимодействия в рамках военно-политических или экономических объединений [Практика..., с. 96–99]. Однако в реальности процесс структурирования порядка международных отношений на Ближнем Востоке идет трудно, потому что уже на этапе мотивации между странами региона возникают противоречия, показателями чего служат, как правило, малозаметная роль Лиги арабских государств (ЛАГ) как самостоятельного субъекта в политической и экономической жизни региона и, напротив, возросшие амбиции Турции и Ирана, соперничающих между собою в борьбе за лидерство.

Принято классифицировать действующих субъектов международных отношений, исходя из их потенциала и возможностей. В мировом масштабе это *глобальные державы* (США и Китай), обладающие совокупностью мощного экономического, научно-технического и военного потенциалов для деятельности по всему миру, и *глобально-региональные державы* (РФ, Индия, Япония), имеющие военный, научно-технический или экономический потенциал мирового уровня. Далее *региональные державы*, способные благодаря своему потенциалу проводить самостоятельную политику, исходя из национальных интересов, имеющие претензии на региональное лидерство, готовые противостоять любой коалиции других стран региона. К этой группе на Ближнем Востоке можно отнести Иран и Турцию. И *державы среднего уровня* – претендующие на региональное лидерство, но не способные действовать в одиночку и опирающиеся на группу стран, – в регионе БВ это потенциально Египет и Саудовская Аравия (см.: [Практика..., 2016]).

В то же время нельзя не отметить две противоборствующие тенденции в идущем региональном структурировании: арабские страны явно или неявно опираются на внешних внерегиональных игроков, прежде всего на США или Россию, в то время как Турция и Иран, уже осознающие себя полноценными региональными державами, выдвигают почти глобальные притязания и нехотя признают важную роль внешних игроков². Так, в 2015 г. спикер иранского парламента Али Лариджани утверждал, что формировать «новый порядок» в регионе должны именно страны региона, а не внешние игроки, оговоровшись, что, «разумеется, крупные державы могут оказать помощь в этом деле» [Мирзаян, 2016, с. 244].

² Подробнее см.: [Свиштунова, 2019, с. 141].

Но если такая неполная субъектность свойственна Ирану и Турции, то тем более она присутствует в политике арабских стран. Это констатировали в 2015 г. Ф. Уэри и Р. Сокольский, рассматривая перспективы концепции новой системы безопасности в Персидском заливе, условием чего авторы видят «способность США и их партнеров среди арабских государств Залива договориться о создании более широкого форума для многостороннего обсуждения проблем безопасности в регионе в качестве первого шага к построению правовой архитектуры региональной безопасности». Причина в том, заключают они, что «у Саудовской Аравии и других арабских государств Залива нет реальной стратегической альтернативы Соединенным Штатам в качестве гаранта безопасности, а эффективность их вооруженных сил и разведки очень сильно зависит от американской помощи» [Уэри, Сокольский, 2015, с. 4, 21]. Так или иначе, это остается признанием перманентной зависимости системы от внешних игроков.

Такая неупорядоченность региональной системы порождает немалые опасения. Уже общим местом в работах международных стало сравнение Ближнего Востока как наиболее конфликтного региона мира с Балканами, «пороховым погребом Европы». Для обоих регионов характерны: важное геополитическое нахождение на перекрестке континентов, чрезвычайная этнокультурная «пестрота», относительно недавно обретенная национальная государственность, социально-экономическая отсталость и политическая нестабильность, усугубляемые внесением религиозных начал во взаимоотношения стран региона. Великодержавные идеи, например, «Великой Сирии», «Великого Израиля» или притязания Марокко в Магрибе, Саудовской Аравии – в Юго-Западной Азии повышают уровень конфликтности. В то время, по справедливому замечанию А. Васильева, «в основе всех балканских кризисов лежали внутренние причины. Однако именно иностранное вмешательство придавало им ожесточенный характер» [*Мир через 100 лет*, 2016, с. 96]. Эта констатация может быть отнесена к региону Ближнего Востока.

В то время как центр внимания властей Саудовской Аравии оказался в основном сосредоточенным на внутреннем развитии королевства, действия Турции и Ирана в 2011–2019 гг. показали, с одной стороны, новые устремления этих стран в регионе и субрегионе Залива, а, с другой – пределы их возможностей. Если вначале Турция и Иран стали косвенными участниками конфликтов в Сирии и Ираке, оказывая поддержку противостоящим политическим силам, то вскоре они оказались прямо вовлеченными в военные действия: КСИР в Сирии, турецкая армия в Сирии и Ираке. Такого рода эскалация участия в делах региона вызвана не только военной мощью.

Показательно обращение стран региона к общему исламскому историческому наследию, например, модели халифата. В Саудовской Аравии такого рода идеи давно не обсуждаются, учитывая, в частности, хрупкость даже такого интеграционного объединения, как ССАГПЗ. В регионе такого рода идеи прозвучали из Турции после первой победы Р. Эрдогана на президентских выборах и были озвучены Р. Давутоглу, ставшим министром иностранных дел, а затем главой правительства. Концепция «новой Турции» как безусловного лидера, «активного субъекта» Ближнего Востока дополнялась критикой существующего «несправедливого мирового порядка» с «господством пяти держав» и «неэффективностью ООН и Совета Безопасности»³. На смену отложенным идеям пантюркизма пришла идея неоосманизма. Начатый турецкими властями после Арабской весны 2011 г. курс экономической и политической экспансии, основанный на концепции «ноль проблем с соседями», оказался реальной «пробой сил» «новой Турции». В то же время

³ Развернутое обоснование новой политики Турции было изложено в специальном номере журнала “Perceptions. Journal of international affairs”, 2014, vol. XIX, No. 4. Например, Мурат Есилтас предлагает рассматривать Турцию как «глобального игрока» в процессе преобразования мирового порядка [Perceptions, 2014, p. 63].

стали очевидны объективные пределы турецких возможностей в экономике, военной сфере и международных отношениях. Наконец, и внутри арабского мира историческая память об Османском господстве не исчезла. По справедливому замечанию О. Руа, «мало кто из современных мусульман мечтает о восстановлении Османской империи» [Руа, 2017, с. 20].

И Турция, и Иран не могут не считаться как с возросшим значением России, так и с ролью США, прагматично реагируя на действия американской администрации и политику Кремля и преследуя при этом собственные цели, которые в краткосрочной перспективе совпадают. По заключению С.А. Свистуновой, «на первом месте среди них проблемы безопасности двух стран, включая курдский сепаратизм, и поддержание регионального баланса сил на сирийском и иракском поле» [Свистунова, 2019, с. 140]. Стратегические цели двух стран принципиально различны.

Своеобразной альтернативой светскому турецкому и исламскому иранскому «видению» региона стал концепт «арабского исламского государства». «На смену утопии исламского государства пришла либо практическая политика, либо другая утопия, умма», – констатировал в 2004 г. О. Руа [Руа, 2017, с. 39]. Но прямое возвращение прошлого невозможно, а попытка использовать эту политическую конструкцию (по словам А.Г. Дугина, «увлекательную модель конструирования будущего») для переформатирования региона и нереалистична, и опасна.

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ: В ПОИСКАХ НОВОГО РАВНОВЕСИЯ

В мировой системе международных отношений в последние два десятилетия продолжается процесс кардинальной трансформации, но глобальный транзит проявляется и на региональном уровне. Так, в субрегионе Персидского залива происходят ослабление старых и формирование новых коалиций и блоков, а внутри них – перемены во внутренней иерархии. Характерные черты идущих перемен – открытый вызов существующим нормам и центробежный вектор перемен. В перспективе это может привести к такому «порядку», в котором не будет стабильности или стабильность окажется нежелательной для самих субъектов региональной и мировой систем международных отношений, т.е., к тому, что Р. Хаас назвал «мировой беспорядок».

В вышедшей 20 лет назад книге американских авторов под редакцией Дэвида Лонга «Безопасность Залива в 21 веке» [Gulf Security, 1997] был предложен целостный взгляд на будущее состояние Залива в контексте безопасности всего Ближнего Востока. Любопытно сравнить подходы и прогнозы авторов с нынешним состоянием дел, поскольку «модель Залива» до недавнего времени рассматривалась как наиболее успешная в арабском мире.

Авторы книги прежде всего выделяют существующие в регионе военные и невоенные угрозы, относя ко вторым в первую очередь стабильность политических режимов [Gulf Security, 1997, p. 1]. Показательно, что, исходя из этой цели, саудовский король Абдалла в 2011 г. декларировал «стратегическое партнерство» между ССАГПЗ и арабскими монархиями Марокко и Иорданием. Оказалось, что ожидаемый очень давно и очень многими крах нефтяных монархий не случился, военные угрозы также не представляют для них жизненной опасности. И тем не менее перспективы построения системы субрегиональной безопасности в Персидском заливе столь же далеки, как и двадцать лет назад. Причины заключаются в самих странах – членах Совета.

Созданный в 1981 г. Совет переживает серьезный раскол и кризис лидерства Королевства Саудовской Аравии (КСА). Он оказался разделенным на группы: Катар как самостоятельный игрок, КСА, ОАЭ и Бахрейн, притом что Кувейт и Оман балансируют меж-

ду ними и ОАЭ. Критерии разделения не сводятся к отношениям с Ираном, они весьма подвижны.

Например, 16 декабря 2018 г. в Эр-Рияде прошла встреча шести глав государств Совета, на которой впервые за почти четыре десятилетия будущее Совета было «поставлено на карту». Основные темы саммита весьма показательны. Первое – блокада Катар, начавшаяся с 2016 г. по инициативе КСА, поддержанная ОАЭ и Бахрейном, парадоксальным образом настолько же ослабила позиции Катар, насколько и усилила, превратив эмират в самостоятельный субъект региональной политики с растущими амбициями. Показательно, что в ноябре 2018 г. Катар вышел из ОПЕК, а 15 августа 2018 г. в Анкаре на встрече эмира Тамима ибн Хамада ат-Тани с президентом Турции Р. Эрдоганом было достигнуто соглашение о предоставлении Катаром 15 млрд долл. на укрепление финансовой системы Турции. Тем самым Катар не просто помогает устойчивости турецкой лиры, но и повышает возможности Турции на региональное лидерство и свои возможности на самостоятельный курс в субрегионе [Saudi Gazette, 16.08.2018; 17.12.2018]. Стоит упомянуть и о сохранении турецкой военной базы в Катаре, несмотря на недовольство Саудовской Аравии.

В то же время Катар в своей политике опирается на США. И военный потенциал США в Катаре уже перерос базу в Саудовской Аравии, отношения с которой у Вашингтона заметно охладели. Опора на региональную и глобальную державы и позволяла Катару самостоятельно действовать не только в Заливе, но и в регионе (в Ливии, Египте, Сирии и на Западном берегу р. Иордан).

Второе обстоятельство, раскалывающее единство Совета сотрудничества, – война в Йемене, который в КСА считают своим «задним двором», но в эту войну оказались втянутыми и члены Совета. Для КСА все труднее достичь поставленных ранее политической и экономической целей войны: усиления своего влияния и возможностей в субрегионе и обеспечения транзита нефти на экспорт через территорию Хадрамаута в порт на побережье Аравийского моря.

Таким образом, в декабре 2018 г. на саммите не удалось договориться, прийти к единому мнению по названным проблемам, каждая из которых была порождена Саудовской Аравией.

Однако созданные ранее экономические, политические и военные механизмы и институты Совета по-прежнему функционируют, хотя перед странами Совета различные угрозы и у них разные интересы. Предметом больших угроз для одних и большого интереса для других был и остается Иран как претендент на региональное лидерство. У Катар и Омана существуют особые отношения с Ираном, у ОАЭ, Кувейта и Бахрейна сохраняется большой объем торговых отношений с Ираном.

У Саудовской Аравии, формального и фактического лидера Совета, существуют не только разногласия с членами Совета, но и более значимые, принципиальные противоречия с Ираном, подкрепляемые дестабилизирующими факторами. Это казнь в королевстве в 2016 г. известного шиитского шейха Нимра аль-Нимра, резкие обвинения Ирана в «военной агрессии» (якобы поставки ракет в Йемен), также – Сирийская война и шлейф проблем «ядерной сделки». Из Тегерана раздаются ответные обвинения в «американо-саудовском заговоре с целью дестабилизации региона».

Может ли закончиться «холодная война» между Ираном и Саудовской Аравией, в которой другие страны Совета остаются пассивными объектами, без посредничества США? Едва ли. В декабре 2018 г. саудовский МИД отверг заявление сената США как «вмешательство во внутренние дела». Но в заключении этого заявления было сказано, что «под руководством Хранителя Двух Святынь и Наследного Принца правительство сохраняет глубокие стратегические, политические, экономические связи с США, которые

создавались несколько десятилетий в интересах обеих стран и народов» [*Saudi Gazette*, 17.12.2018].

Изначально Совет сотрудничества был примером «закрытого регионализма», противостоящего макрорегионализации Ближнего Востока, и это остается ведущим трендом его развития. Однако можно предположить и иной тренд: транзит Совета к внутреннему ослаблению единства и фактическому распаду на наметившиеся уже сейчас блоки.

В связи с этим заслуживает внимания прошедшая в середине декабря 2018 г. в Эр-Рияде встреча министров иностранных дел стран бассейна Красного моря: Саудовской Аравии, Египта, Джибути, Сомали, Судана, представителей Йемена и Иордании. Согласно официальным сообщениям, обсуждались возможности сотрудничества и создания институтов по укреплению стабильности в регионе. Участников принял король Салман ибн Абдель Азиз. Последующие «технические переговоры» продолжились в Каире. По словам министра иностранных дел Саудовской Аравии, цель нового объединения состоит в том, чтобы «защитить свои интересы и интересы соседей путем сложения усилий, кооперации сокращения внешних влияний» [*Saudi Gazette*, 17.12.2018].

В перспективе военно-политическое и экономическое сотрудничество семи стран ЛАГ в геополитически важном регионе Красного моря может привести к формированию жизнеспособного интеграционного объединения – с участием Китая как внешнего игрока, без региональных держав Турции и Ирана. Через Баб-эль-Мандебский пролив и Суэцкий канал еще долгое время будут идти основные потоки экспорта из Китая.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Двадцать лет назад американские авторы полагали, что США преимущественно являются принципиальным гарантом безопасности в Заливе и в регионе в целом, исходя из собственных «жизненных интересов», прежде всего – поставок нефти и арабских инвестиций [*Gulf Security*, 1997, р. 4, 9]. Ныне ситуация изменилась. Россия вернула себе роль важного внешнего актора в регионе, и это общепризнанно. Присутствие Китая ощутимо в экономической сфере. Однако роль США в военно-политических аспектах, их готовность навязывать военной силой свои интересы сохранились, несмотря на неудачи в Ираке, Ливии и Афганистане. По точному замечанию Е. Сова, ликвидация К. Сулеймани в январе 2020 г. показала силу Америки, то, «как спокойно и без колебаний она может вернуться на Ближний Восток и пресечь все разговоры о своей мнимой слабости» [Сысоев, 2020, № 6, с. 67]⁴. Кроме того, реакция как Ирана, так и Ирака на действия США показала возросшую самостоятельность региональных государств.

В то же время у арабских стран пока не возникло *Большого проекта*, сравнимого с концепцией панарабизма или арабского социализма Г. Насера и способного воодушевить арабский мир, поднять арабские общества на большие свершения. Между тем Иран обладает потенциалом исторической памяти, персы и арабы вместе образовали *мир Ислама*. В свою очередь, Турция, отложившая идеи пантюркизма, приняла концепцию неоосманизма, возрождения *Османской империи*, некогда мировой державы. В обоих случаях арабским странам открывается перспектива возвращения их глобальной роли в мировой системе. Такого рода *мегапроекты*, при видимой их иллюзорности, способны превратить Большой Ближний Восток в один из реальных центров силы в Большой Евразии наряду с Россией и Китаем.

⁴ В те же дни Д. Трамп представил свой план решения арабо-израильского конфликта («сделка века»), а вооруженные силы США нанесли удар по позициям террористической группировки «Аль-Каида Аравийского полуострова» в Йемене для устранения ее лидера Касыма аль-Райми.

Новое значение приобретает проблема интеграции. Интеграционные объединения стран в состоянии противостоять внешнему давлению и в то же время создают условия для интенсивного развития внутри региона или субрегиона. Так, еще 20 лет назад американские авторы полагали, что координация регионального экономического развития в Заливе более важна, чем достижения отдельных стран по выполнению своих пятилетних планов [Gulf Security, 1997, p. 9]. Однако все процессы политической и экономической интеграции, объективно ведущие к стабилизации региона, так или иначе торпедируются.

В то же время сохраняется возможность того, что роль интегрального балансира в новой ситуации может сыграть наднациональный региональный институт, созданный под эгидой ЛАГ при поддержке внешних игроков: совещание по безопасности региона, созданное по схеме европейского совещания 1975 г.

Пока же в процессе современного развития в странах региона сменилась идейно-духовная парадигма, совокупность убеждений и ценностей, характерных для данного арабско-мусульманского общества и обеспечивающих его существование. Два десятилетия назад Д. Лонг полагал, что «революционный Исламизм в настоящее время не является основной угрозой безопасности Залива» и в целом региона, однако указывал на «видимую угрозу столкновения традиции и современности» [Gulf Security, 1997, p. 7,8]. Однако оказалось, что в модернизированном или полумодернизированном арабском обществе, включенном в глобальную сеть, обострилась проблема идентичности. Привычные критерии идентичности – религиозный, национальный, гражданский, локальный и племенной – дополнились новыми понятиями светскости и глобальной космополитичности. В то же время нельзя не согласиться с давним выводом американских авторов об опасности для устойчивости режимов понижения «стандартов жизни» аравийского общества [Gulf Security, 1997, p. 10].

Но все же главная цель и смысл идущей сейчас трансформации состоит в конструировании сбалансированной системы с возможным участием внешних игроков региона в той или иной форме. По всей очевидности, *ядром системы* международных отношений региона и (или) субрегионов станут страны, уже сейчас обладающие потенциалом, достаточным для образования *центра системы* и контроля ее *периферии*. Вероятно, закрепится возникший порядок влияния внерегиональных держав на страны региона. Полагаю, что в отсутствие реально сильного и признанного ядра и центра региональной системы в ближайшие десятилетия регион ожидает вариант «разделенной периферии».

Субрегион Северная Африка (и Египет) был и остается частью Средиземноморского пространства, географически и политически страны эти тяготеют к Западной Европе. Между ними налажены прочные экономические связи, есть формы межрегионального сотрудничества, альтернативой чему остаются притязания Турции.

Субрегион Юго-Западная Азия находится между двумя сильными региональными державами – Турцией и Ираном. Можно предположить, что после того, как установится влияние той или иной мировой державы над Турцией и Ираном (США, Индия, Китай), страны субрегиона (Ирак, Сирия, Ливан, Иордания) войдут в орбиту либо Турции, либо Ирана.

Субрегион Аравия, в отличие от названных, имеет большую степень внутреннего единства (ССАГПЗ) – при всей конфликтности нынешних отношений между странами. Объективные возможности (углеводороды и нефтедоллары) могут быть использованы (как показывают планы на 2030 г.) для формирования своего рода постиндустриального анклава на БВ, равноудаленного и равно связанного с мировыми центрами силы, вероятнее с Китаем и Индией, а также Ираном. Нельзя исключить и возможности превращения ССАГПЗ в общерегиональную структуру (при участии Египта) с принятием на себя ответственности за будущее региона и его безопасность.

Геополитическое положение региона и наличие в нем больших запасов углеводородного сырья, наряду с угрозами мирового терроризма, обуславливают прямую заинтересованность внешних акторов (глобальных и глобально-региональных держав) в контроле региональной ситуации, но не обязательно в создании там устойчивого регионального порядка. США остаются не только мировым, но и региональным центром силы, хотя реальный курс американской политики в регионе, видимо, определится после выборов осенью 2020 г., а вот курс РФ уже определен. Россия приняла на себя функции организатора мирового и регионального сообщества для создания взаимоприемлемого и устойчивого порядка в регионе (Астанинский процесс в 2017 г.). Выстраивание устойчивого партнерства с Турцией, Ираном, Саудовской Аравией, Египтом, Сирией ведет к закреплению и усилению присутствия РФ в качестве внерегионального балансира и центра силы.

Д. Лонг 20 лет назад писал, что в регионе нет простых проблем, и «достижение безопасности Залива в XXI в. возможно путем решения комплекса задач», желательно – эволюционным, а не революционным путем. Создание же нового баланса сил в регионе в целом и в Заливе в частности невозможно извне, а лишь – изнутри [*Gulf Security*, 1997, р. 11–12]. В наши дни данный вывод следует отнести к региону в целом в еще большей степени. В качестве важного регионального мегатренда развития В.Г. Барановский и В.В. Наумкин назвали «рост ценностно-смысловой альтернативности Западу при сохранении идеологического единства региона» [Барановский, Наумкин, 2018, с. 51].

Возможными основами сбалансированной региональной системы безопасности могут стать: признание (в условиях отсутствия общепризнанного центра силы) принципа ограниченного национального суверенитета; создание в рамках ЛАГ институциональных структур для обсуждения противоречий и конфликтов в регионе; создание под эгидой ООН миротворческих войск для Ближнего Востока; оказание внешними акторами адресной финансовой и экономической помощи странам региона в виде торговых поставок, реализации инфраструктурных и промышленных проектов; усиление контроля государств региона за потоками коммуникаций в Интернете и СМИ, формирование сбалансированного общественного мнения.

В то же время константой региональной системы международных отношений по-прежнему остается противоборство глобальных и глобально-региональных держав за контроль над запасами углеводородов и путями их доставки, равно как и их активное (важное или решающее) участие в создании основ региональной системы безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акимов А.В., Яковлев А.И. *Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. М.: Издательство Московского университета, 2012 [Akimov A.V., Yakovlev A.I. *Civilizations in the XXI century: Problems and Perspectives for Development*. Moscow: Moscow University Press, 2012 (in Russian)].

Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ключевые тренды столетнего развития. *Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте*. М.: ИВ РАН, 2018 [Baranovsky V.G., Naumkin V.V. The Key Trends of Centennial Development. *The Middle East in the Changing Global Context*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке. *Ближний Восток в поисках политического будущего*. М., ИВ РАН, 2019 (Ближний Восток-2) [Zvyagelskaya I. The Symbols and Values in the International Relations in the Middle East. *The Middle East in Search of a Political Future*. М.: IOS RAS, 2019 (The Middle East-2) (in Russian)].

Мир в цифрах – 2016. М., Олимп-Бизнес, 2016 [The World in Figures – 2016. Moscow: Olimp-Press, 2016 (in Russian)].

Мир через 100 лет. М., Весь мир, 2016 [*The World in 100 years*. Moscow: The Whole World, 2016 (in Russian)].

Мирзаян Г. Ближневосточный покер. Новый раунд Большой игры. М., Эксмо, 2016 [Mirzayan G. *The Middle East Poker. The New Round of Big Game*. Moscow: Eksmo, 2016 (in Russian)].

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. Под ред. А.Д. Воскресенского. М., Магистр Инфра-М, 2016 [*The Practice of Foreign Regional Analysis*. Ed. by A.D. Voskresensky. Moscow: Magistr Infra-M, 2016 (in Russian)].

Рух О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. *Islamology. Журнал исследований ислама и мусульманского общества*. 2017. № 1. С. 11–40 [Roua O. The Global Islam: in the research of new umma. *Islamology. The Journal of Islam and Muslim Society Research*. 2017. No. 1. Pp. 11–40 (in Russian)].

Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса. *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 4. С. 130–144 [Svistunova I.A. Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in search of the Regional Balance. *MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 4. Pp. 130–144 (in Russian)].

Сысоев Т. Пожар и медленный огонь вокруг Израиля. «Эксперт». 2020. № 6 [Sysoev T. Fire and slow heat around Israel. “*Expert*”. 2020. No. 6 (in Russian)].

Уэри Ф., Сокольский Р. Концепция новой системы безопасности в Персидском заливе. М.: Московский центр Карнеги, 2015 [Weury F., Sokolsky R. *The Concept of the new system of secure in the Persian Gulf*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2015 (in Russian)].

Цыганок А. Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. М.: АИРО-XXI, 2016 [Tsiganok A. Moscow: AIRO-XXI, 2016. (in Russian)].

Gulf Security in the Twenty-First Century. Ed. By D.E. Long and Ch. Koch. The Emirates Center for Strategic Studies and Research. Abu Dhabi, 1997.

ОПЕС. *Annual Statistical Bulletin 2015*. Vienna, 2015.

Saudi Gazette.

Yesiltas M. Turkey’s Quest for a “New International Order”: The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration. *Perceptions. Journal of International Affairs*. 2014. No. 4. Pp. 77–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alexander I. YAKOVLEV, Dr. Sc. (History), Professor of Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia.